

Наследие

Четверг 2 июля 2020 №114 (6835 с момента возобновления издания)

spb.kommersant.ru

Цветные тематические страницы №9–12 являются составной частью газеты «Коммерсантъ». Зарегистрировано в Роскомнадзоре ПИ №Ф77-76924 9 октября 2019 года. Распространяются только в составе газеты. Подписчики получают цветные тематические страницы: «Дом», «Телеком», «Банк», «Страхование», «Лизинг», «Стиль» и другие.

11 Создание миниатюр архитектурных шедевров можно назвать самостоятельным направлением в искусстве

12 Обращение к национальным истокам привело в конце XIX века к формированию так называемого русского стиля

В ряде стран мира изменение эпидемиологической обстановки, связанное с распространением коронавируса COVID-19, оказало влияние на реставрационную отрасль. Уязвимость культурного наследия в период карантинных мер вызвала серьезное беспокойство, в частности, со стороны ЮНЕСКО. Вместе с тем петербургской реставрации пандемия не нанесла серьезного урона: все запланированные на текущий год конкурсы на проведение мероприятий по сохранению культурного наследия проведены, реставрационные работы продолжали проводиться при соблюдении мер предосторожности, а частные меценаты не отказываются от своих планов по восстановлению значимых для города объектов.

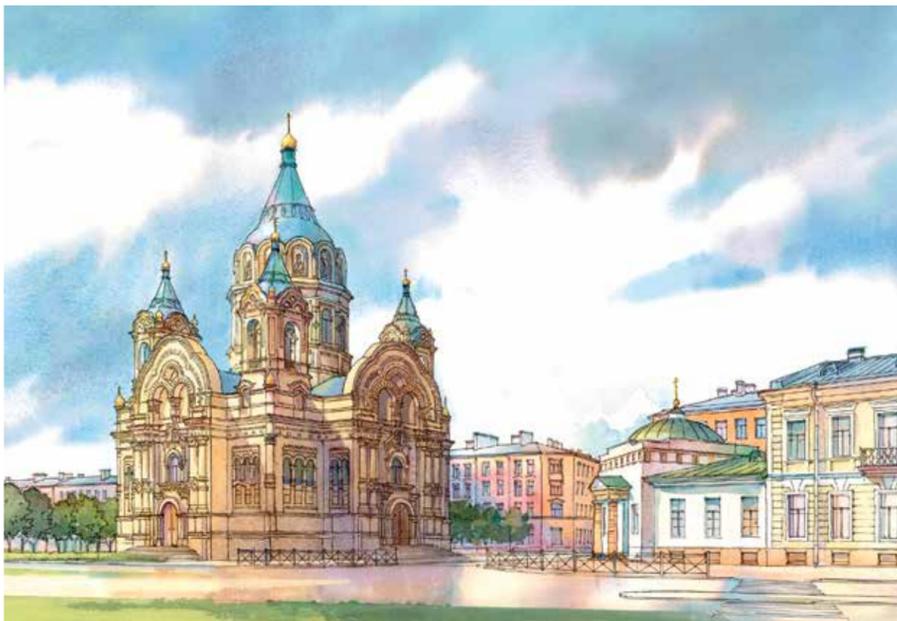
Под маской реставрации

— пандемия —

Всего в Петербурге насчитывается около 9 тыс. объектов культурного наследия (ОКН) и примерно в два раза больше исторических зданий. Многим из них необходима немедленная реставрация, и, по мнению представителей экспертного сообщества, в течение 20–30 лет следует ежегодно реставрировать приблизительно тысячу домов. В текущем году на мероприятия по сохранению ОКН, находящихся в государственной собственности, было выделено чуть менее 2 млрд рублей, следует из информации комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников (КГИОП). На данный момент все запланированные конкурсы уже объявлены, и по их итогам заключено 78 государственных контрактов.

В Смольном отмечают, что все подрядные организации, с которыми были заключены госконтракты, уже приступили к работам. Тем не менее в связи с тем, что были закрыты архивы и госучреждения, предоставляющие информацию для проектирования (подосновы, планы ПИБ, архивные документы), работа проектных организаций была затруднена. «Однако условия государственных контрактов позволяют выполнить все запланированные работы в установленный срок», — уверены в КГИОП.

Государственными средствами реставрационные работы в Петербурге не исчерпываются. Миллиарды рублей ежегодно на реставрацию, восстановление и воссоздание объектов культурного наследия выделяют и меценаты. Например, за счет частных средств были восстановлены дача Гаусвальда на Каменном острове, исторический комплекс «Никольские ряды», продолжается создание церкви Иконы Божьей матери «Всех Скорбящих Радость» с грошиками, завершаются работы по восстанов-

Памятники — это визитная карточка Петербурга, оказывающая серьезное влияние на его экономику

лению церкви Рождества Христова на Песках и многие другие.

Несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку и самоизоляцию, в Петербурге не прекращались работы по реставрации ряда знаковых объектов: церкви Захарии и Елизаветы каре Смольного монастыря, фасадов Гатчинского дворца, а также готовятся к реставрации Казанский собор, флигель Юсуповского дворца и многие другие значимые для города объекты.

Александр Кононов, заместитель председателя Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), отмечает, что в Петербурге на про-

ведение реставрационных работ выделяются весьма значительные средства и говорить, что власти не уделяют должного внимания этому вопросу, нельзя. «Другое дело, что на одних, пусть и довольно знаковых, объектах реставрационные работы проводятся сравнительно часто, а на другие в принципе не выделяется денег. Их состояние ухудшается, что может в итоге привести к безвозвратной потере некоторых элементов», — считает господин Кононов.

Беспереывная работа

Тем не менее пандемия коронавируса COVID-19 и принятые в связи с ней карантинные мероприятия не могли не внести коррективы в работу реставраторов и не повлиять на процессы в рамках выполнения соответствующих проектов.

«Реставрация — это процесс, который невозможно поставить на паузу», — объясняет председатель совета Союза реставраторов Санкт-Петербурга Нина Шангина. По ее словам, мировое реставрационное сообщество до сих пор обеспокоено тем, что многие процессы по сохранению культурного наследия были приостановлены. Госпожа Шангина с сожалением отмечает, что последствия, которые могут возникнуть из-за остановки реставрационных работ, могут быть необратимыми.

В связи с этим международные организации, такие как ЮНЕСКО и ICCROM, не раз выражали опасение в связи с возможными рисками и уязвимостью культурного наследия в период карантинных мер. «Например, международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей

ICCROM провел в мае и июне серию вебинаров, тема которых затрагивала проблемы сохранения культурного наследия в период пандемии. Специалисты из 15 стран делились своим опытом работы в форс-мажорных условиях и способами решения основных проблем, связанных с изоляцией объектов культурного наследия», — уточняет она.

По словам Владимира Трушковского, генерального директора ООО «Ленстройуправление», если приостановить работы на памятниках, это может привести не только к существенному ухудшению их технического состояния, но и к увеличению бюджетов на их реставрацию в будущем.

Вместе с тем ситуация в Петербурге не вызывает у представителей отрасли серьезных опасений. «В городе был очень оперативно определен порядок работ на объектах культурного наследия, реставрационные работы были продолжены с учетом необходимых мер предосторожности против COVID-19, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и правительством Санкт-Петербурга», — объясняет госпожа Шангина.

Работа в особых условиях

В связи с пандемией руководством организаций, оказывающих услуги по реставрации, были направлены рекомендации не допускать на рабочее место работников с температурой и кашлем, дезинфицировать помещения и вводить «плавающие смены». Опрошенные «Ъ» представители отрасли говорят, что соблюдают установленные правила, используя в своей работе средства индивидуальной защиты, а также соблюдают дистанцию во всех необходимых случаях.

«Конечно, пандемия наложила определенный отпечаток на работу, которую мы перестроили в соответствии со всеми официальными требованиями к безопасности. Однако

слаженная команда, гибкий подход и умение оперативно реагировать на форс-мажорные ситуации позволили минимизировать издержки и вести работы в плановом порядке», — поясняет представитель Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов.

В настоящее время фонд ведет работы по воссозданию церкви Иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» с грошиками, завершил реставрацию церкви Пресвятой Троицы в киновии Александро-Невской лавры, реализует проект памятного знака в честь первой петербургской церкви на Троицкой площади, а также работает над обособлением проекта воссоздания церкви Бориса и Глеба на Синопской набережной и колокольни Смольного монастыря Растрелли.

«Все работы по этим объектам будут сданы в установленный срок. Хотя, например, мы столкнулись с тем, что наши специалисты не смогли выехать в Варшаву, чтобы начать работу с архивом Растрелли для проекта воссоздания колокольни. Однако наших планов это не меняет: до конца года мы выйдем с этим проектом на Совет по сохранению культурного наследия при правительстве Санкт-Петербурга», — добавляет он.

Александр Кононов подчеркивает, что памятники — это визитная карточка Петербурга, оказывающая серьезное влияние на его экономику. «Собственно, именно ради них в город и приезжают туристы. Понятно, что в текущем году турпоток значительно просядет, целый ряд отраслей окажется в предкризисном или, в худшем случае, в кризисном состоянии. Но надо думать о будущем. Реставрационные работы не должны останавливаться, необходимо наверстывать время, потерянное из-за карантинных ограничений», — уверен он.

Мария Кузнецова

Вернуть память месту

— доминанты —

Над обликом Петербурга работали тысячи архитекторов, подчеркивая его плоский ландшафт высокими доминантами: шпилями, башенками и куполами церквей. Вместе с тем множество культовых объектов не дошло до наших дней: после революции часть из них была разрушена. Сейчас ведутся работы по восстановлению наиболее значимых храмов на основе архивных документов и сохранившихся фотографий.

Архитектура Петербурга, формировавшегося на плоской равнине в дельте Невы, на протяжении трехсот лет развивалась как сменяющие друг друга исторические стили определенных эпох. Тысячи архитекторов, работавших здесь, создавали из Петербурга по-настоящему европейскую столицу, как и задумывал Петр I, ориентируясь на культуру и экономику Голландии, представляя наш город вторым Амстердамом.

Во время работы в городе на Неве первого зодчего Петербурга Доменико Трезини, в нем господствовало так называемое «петровское барокко». На протяжении почти тридцати лет архитектор создавал проекты Летнего дворца Петра I, Александро-Невской лавры, здания Двенадцати коллегий. Другими мастерами стиля барокко, внесшими значительный вклад в теперь уже привычный облик Петербурга, стали Джованни Фонтана и Иоганн Шедель, спроектировавшие Меншиковский дворец, а также великий Франческо Бартоломео Растрелли, подаривший потомкам такие архитектурные шедевры, как Смольный монастырь и Зимний дворец, считающийся апофеозом русского барокко.

На смену барокко пришел строгий и гармоничный классицизм, основоположником которого в Петербурге был Жан-Батист Деламот, спроектировавший Академию художеств. В том же стиле творили Джакомо Кваренги, по проекту которого были со-

зданы здания Академии наук и Смольного института, Андрей Воронихин — создатель Казанского собора, а также Огюст де Монферран, спроектировавший Исаакиевский собор, и Карл Росси, сильной стороной которого была организация пространств с использованием единообразных фасадов. На следующем этапе в город на Неве пришла эклектика — комбинация приемов и мотивов сразу нескольких архитектурных стилей. Одним из классических примеров данного стиля является здание Марининского дворца Андрея Штакеншнейдера.

Двадцатый век привнес в Петербург элементы северного модерна, в котором было построено множество доходных домов архитектора Федора Лидваля, включая доходный дом Толстого, а также здание гостиницы «Астория». Другими примерами архитектурных стилей двадцатого века были неоклассицизм, сочетающий в себе исторический стиль с современными планировочными решениями, послереволюционный авангард, а впоследствии — модернизация классицизма, сталинский ампиризм, далее — типовая городская застройка, на смену которой пришла эпоха постмодернизма.

Ценные вертикали

Одной из характерных особенностей Петербурга являются его высотные доминанты — шпили и башенки, на фоне равнинного ландшафта подчеркивающие «небесную линию» города. Петропавловский собор — один из самых известных примеров таких сооружений. Расположенный на территории одноименной крепости, с которой началось строительство Петербурга, собор вместе со шпилем достигает 122,5 м в высоту. Высота Адмиралтейства, также здания Петровской эпохи, — 72 м. В рядовой исторической застройке города также присутствуют доминанты: дом городских учреждений («Городской дом») со шпилем и красной башней, доходный дом Иоффа, дом Кейбеля, а также дом компании «Зингер».

Другими примерами доминант Петербурга исторически являются храмы и церкви. Самый известный из них — Исаакиевский собор высотой 101,5 м — второй по высоте после Петропавловского. Далее — Смольный собор высотой 93,7 м, Спас на Крови (81 м), Троице-Измайловский собор (80 м) и Казанский собор (71,6 м).

Несмотря на градостроительную ценность подобных сооружений, многие духовные доминанты были со временем утрачены, в основном они были снесены после революции. Среди них — Спас на Сенной, Благовещенская церковь на площади Труда, Покровская церковь на площади Тургенева, всего несколько десятков.

В настоящее время часть утраченных культовых сооружений начинают воссоздавать. По мнению многих представителей архитектурного сообщества, это позволяет заново выстраивать исторические и культурные связи, которые за последние десятилетия были утрачены. Среди таких объектов, например, можно назвать церковь Рождества Христова на Песках или церковь Иконы Божьей матери «Всех Скорбящих Радость» с грошиками на проспекте Обуховской Обороны, которая реконструируется под эгидой Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге.

«Мы приступили к восстановлению здания на сохранившемся историческом фундаменте в 2017 году. На сегодняшний день основной наземный объем храма воссоздан в точном соответствии с архивными документами и фотографиями, и набережная Невы вновь обрела утраченную доминанту», — рассказывает Филипп Грибанов, представитель Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге. Сейчас в храме ведутся отделочные работы, которые планируется завершить к концу 2021 года.

Основные сложности при реализации данного проекта были связаны с

проектированием: как оказалось, под фундаментом в советское время проложили канализационный коллектор. «Наши специалисты придумали решение, согласно которому были укреплены фундаменты. В дальнейшем мы его реализовали с ювелирной точностью», — говорит господин Грибанов.

Воссоздание храма оживит и украсит вид набережной — это заметно уже сейчас, хотя работы не завершены, добавляет он. «Вслед за этим мы видим, как облагораживаются и благоустраиваются близлежащие территории. Так что восстановление церкви Иконы Божьей матери «Всех Скорбящих Радость» с грошиками — это не только важное событие для верующих, но и важной проект для территории», — уверен господин Грибанов.

Перспективные доминанты

Однако восстановленные духовные доминанты не всегда удается расположить на их исторических местах. Например, церковь Иконы Смоленской Божьей матери в Пулковском по проекту Кваренги на старом месте воссоздать было нельзя, вместе с тем ее облик полностью соответствует сохранившимся архивным фотографиям.

Еще один памятник архитектуры, который планируется воссоздать таким же образом, — это церковь Бориса и Глеба, построенная по проекту академика Императорской академии художеств Михаила Шурупова в 1869–1882 годах на средства петербургского купечества. Архитектор долгие годы работал в Италии, где изучал различные памятники искусства, скульптуру, составлял архитектурные и скульптурные проекты, в частности, памятника Наполеону I, монумента крещения Руси князем Владимиром и других. Также по его проектам были построены православные храмы на Афоне и в Токио. Михаил Шурупов участвовал в реставрации Софийского собора в Киеве, является автором церкви

Одной из характерных особенностей Петербурга являются его высотные доминанты — шпили и башенки, на фоне равнинного ландшафта подчеркивающие «небесную линию» города

в честь Сретения Господня в Рыбинске и Никольской церкви в Орске. Вернувшись в Петербург, он внес значительный вклад в церковную архитектуру города. Среди важнейших культовых сооружений, либо созданных им самим, либо построенных по его проектам, помимо Борисоглебской церкви, были церковь святителя Николая Чудотворца, Крестовоздвиженская церковь на Большой Посадской (не сохранилась) и Смоленской Божьей Матери на Шлиссельбургском шоссе.

«В настоящее время мы готовим обоснование для реализации проекта восстановления Борисоглебской церкви. О конкретных сроках пока говорить рано, нам предстоит серьезная работа в части подготовки исторической документации, согласований и проектирования.

наследие

— экспертное мнение —

— Каков мировой опыт воссоздания исторических объектов? Насколько это распространено, скажем, в европейских странах?

— Существует значительное число примеров разного рода реконструкций — как в Европе, так и в других странах мира. Многие знаменитые сооружения были разрушены после войн или пожаров и были впоследствии воссозданы. И сейчас, глядя на них, практически невозможно понять, что перед тобой: старинное здание или так называемый новодел. Вообще, я очень не люблю использовать это слово, потому как оно зачастую несет в себе негативный оттенок. А ведь именно воссоздание помогло нам увидеть, как выглядели довоенная Варшава, пригородные дворцы Петербурга, Потсдамский или Берлинский замки, множество разбросанных по всему миру церквей и костелов, которые без восстановления были бы безвозвратно утрачены. Порой от них не оставалось даже руин, это было фактически пустое место, память о котором хранилось только в воспоминаниях и хорошо, если еще и в чертежах. А взять хотя бы кампанилу собора Святого Марка в Венеции, которая просто рассыпалась в начале XX века. И здание довольно быстро восстановили, поскольку без него нарушался бы весь ансамбль площади. И сегодня кампанила воспринимается жителями и гостями города совершенно естественно, хотя фактически это тоже пресловутый новодел.

— Но ведь есть и иной путь — например консервация.

— Консервация не заменяет ни реконструкцию, ни реставрацию, ни восстановление. Она всего лишь им предшествует. Консер-

вация — это постоянство ухода за объектом, так гласит Венецианская хартия. И это совершенно правильно: за любым зданием надо ухаживать каждый день, иначе через 50–70 лет мы рискуем его потерять. Если развить эту мысль, то и город в целом также нельзя просто взять и законсервировать, поскольку его развитие — это естественный процесс, и каждая эпоха вносит в него свои изменения. Когда я слышу тезисы о том, что исторический центр нужно оставить в покое, у меня это вызывает лишь удивление. Следуя этому принципу, спустя годы у нас останется, выражаясь метафорически, голое дерево, с которого упала вся листва.

— Когда воссоздание исторических объектов приобрело в нашем городе массовый характер?

— В послевоенное время. Если взглянуть на фотографии тех лет, то поражаешься, сколько титанического труда было вложено в восстановление разрушенных зданий и дворцово-парковых ансамблей. Моими учителями были великие люди, причастные к воссозданию ансамблей Петергофа и Павловска, Екатерининского дворца в Царском Селе и многого другого. Этим объектам был возвращен их первоначальный вид, и теперь они воспринимаются совершенно естественно. Теперь они стали гордостью нашего города, его неотъемлемой частью и важной составляющей.

— Как много в Петербурге архитектурных доминант, которые были утрачены?

— Очень много доминант было утрачено в 1960-е годы, а потом и в 1990-е. Сегодня мы говорим о десятках, но на самом деле их гораздо больше. Когда-то каждый отдельно взятый квартал имел свою доминанту. Если говорить о крупных и заметных объектах, то среди них — Мирониевская церковь на

Обводном канале, церковь Бориса и Глеба на Синопской набережной, а также Благовещенская церковь на площади Труда. Это те утраты, которые, с одной стороны, уничтожили микроансамбли, а с другой стороны — городскую панораму в целом. Лично для меня очень заметной квартальной доминантой была церковь Спаса на Сенной. После ее сноса площадь как таковая умерла. Поэтому если есть возможность вернуть память места, приведя его к первоначальному состоянию, — это нужно обязательно сделать, в том числе ради потомков.

— Как происходит работа с историческими документами?

— Это серьезная совместная работа историков и архитекторов. Прежде всего с архивными материалами: нужно понять, что мы знаем о том или ином здании. Для этого существуют даже не десятки, а сотни архивов. И профессионалов в этой области совсем немного. При этом все обнаруженные документы я проверяю сам: не взглядом историка, а взглядом архитектора. Чтобы не упустить ни одной детали.

— Поговорим о воссоздании колокольной Смольного монастыря. Почему вы считаете, что этот проект важен для Петербурга?

— К сожалению, по сей день район, в котором расположен Смольный собор, не играет в культурной жизни Петербурга какой-то заметной роли, которую мог бы сыграть. Здесь всегда был лишь административный центр города, который не привлекал внимания ни туристов, ни горожан, несмотря на расположенный там шедевр Растрелли. А формирование района вообще происходило без оглядки на его главную достопримечательность — этим также объясняется и появление в нем совсем уж, на мой взгляд,

неуместных зданий. Поэтому строительство такого объекта, как колокольня, сможет решить сразу несколько задач. Во-первых, вдохнуть жизнь в это место, «вытянув» его из небытия, во-вторых, создать новый центр притяжения, вокруг которого начнет разрастаться соответствующая инфраструктура, и в-третьих, завершить существующий архитектурный ансамбль. Кроме того, за последние годы вокруг собора появилось много жилых зданий, фактически уничтоживших его доминирующую роль на левом берегу Невы. Колокольня же сможет исправить эту чудовищную ошибку. Очевидным также является роль новой доминанты в качестве смотровой площадки с воистину уникальными характеристиками. И самое главное то, что строительство колокольной Смольного собора — это завершение авторского замысла великого зодчего. Пусть даже на это уйдет в общей сложности более 200 лет. Отмечу также, что сделанное нами совмещение показало, что новое здание хорошо впишется в сформировавшийся городской ландшафт.

— Достаточно ли исторических обоснований для начала реализации проекта?

— Дополнено известно, что колокольня была построена до второго яруса, но была впоследствии разобрана по ряду не зависящих от Растрелли причин. Фундамент, найденный в ходе проведения археологических раскопок, я видел собственными глазами. Это мощнейшая плита невероятных габаритов, которая полностью сохранилась. Ведь по задумке архитектора высота колокольной должна была составить 170 м. Поэтому вопрос для меня лично вообще не является дискуссионным: реализацию этого проекта я рассматриваю как восстановление ранее существовавшего зда-

ния. Нам повезло, что сохранилось очень много архивных материалов. В частности, чертежи автора, которые в настоящее время находятся в Варшаве, а также модель собора, хранящаяся в Академии художеств. Я убежден, что амбиции Растрелли, который называл Смольный собор «великолепным храмом», нужно реализовать, и такая возможность есть.

— Достаточно ли в Петербурге квалифицированных кадров, способных выполнять такие виды работ?

— К счастью, такие специалисты у нас есть. В Петербурге достаточно учебных заведений, где готовят реставраторов. При этом такие объекты, как, например, колокольня, помогают им приобрести уникальный опыт. Именно участие в столь знаковых проектах делает из них профессионалов высокого класса.

— Если проект все же состоится, то сколько времени понадобится на возведение колокольной?

— Учитывая уникальность этого объекта, то при отсутствии проблем с финансированием сам процесс строительства может занять до четырех лет, а подготовка проектно-сметной документации — около трех лет.

— Выходит, что строительство колокольной на много лет «выбьет» Смольный собор с туристической карты города?

— Совсем наоборот. Если грамотно подойти к вопросу, то сам процесс строительства может привлечь внимание огромного количества людей — как, например, это происходит с собором Святого Семейства в Барселоне. Просто нужно вести работы элегантно, красиво и интересно. И, что важно, здесь есть где развернуться. Тогда еще до завершения реализации проекта он будет известен во всем мире.

Город из песка и палок

— основа —

Небесная линия Северной столицы своим появлением обязана не только вопросам субординации или религии: больше нагрузки эти «мшистые топкие берега» вряд ли бы вынесли. Подземелье исторического центра — это сваи, длина которых достигает девяти метров, а количество — нескольких тысяч под отдельным зданием.

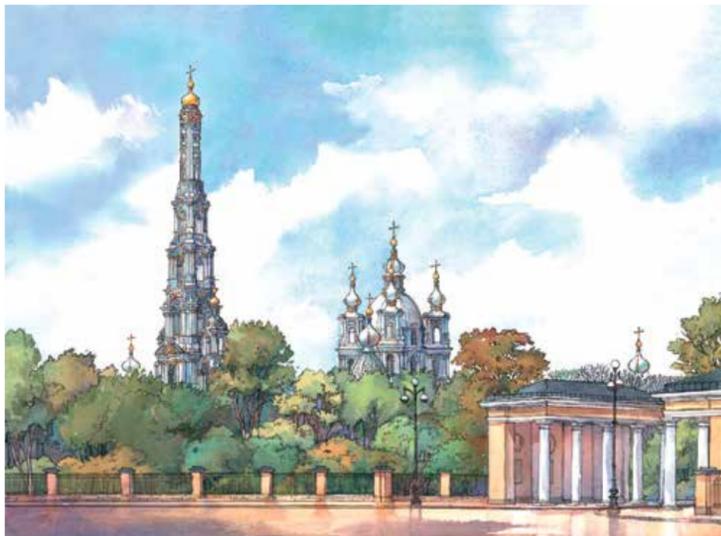
«В Петербурге действовал указ: не строить домов выше Зимнего дворца (примерно 24 м), — говорит заведующий кафедрой оснований и фундаментов ПГУПС, профессор Владимир Улицкий. — Кроме этического послыла (негоже ставить свой дом выше царского), в этом правиле заключался и эмпирически найденный геотехнический смысл. Дело в том, что город построен на слабых глинистых грунтах, перекрытых несколькими метрами песков. Именно эти пески держат исторические фундаменты и распределяют нагрузку на слабые грунты до того уровня, который те способны нести. Только храмы и башни могли строиться высокими. Для них и для наиболее ответственных казенных зданий устраивались свайные фундаменты. Сваи были деревянные, длиной не более 9 м. Ни до какого надежного грунта они достать не могли. Наши предшественники, понимая это, говорили об уплотнении грунта сваями, то есть о создании, как мы сказали бы теперь, уплотненной песчаной подушки, армированной деревянными вертикальными элементами».

Исаакиевский собор стоит на подушке из таких свай: по одним данным, их 11 тыс., по другим — 24 тыс. Поверх подушки устраивались деревянные плиты, а выше — бутровая кладка из гранита или — чаще всего — постелистого известняка. Точно так же были сооружены фундаменты Петропавловского собора, башни Адмиралтейства, корпусов Новой Голландии.

Исаакий — самый яркий и впечатляющий пример победы инженерного расчета над стихией, хотя бы потому, что он огромный: 102 м высотой и 4 тыс. кв. м площадью. Известно, что центральная часть собора слегка проседает, этот процесс иногда замедляется, но в среднем усадка составляет 1–2 мм в год (и если вы окажетесь в храме, это будет заметно по полу невооруженным взглядом). Но он — не единственная жемчужина мастерства зодчих двух-трехвековой давности. Одна из высочайших доминант — Смольный собор — готова поспорить с Исаакием.

Небоскреб эпохи барокко

«Касательно строительства Смольного собора сохранилась собственноручная запись

Город построен на слабых глинистых грунтах, перекрытых несколькими метрами песков. Именно эти пески держат исторические фундаменты и распределяют нагрузку на слабые грунты до того уровня, который те способны нести

Франческо Бартоломео Растрелли, гласящая: «Ввиду слабости грунта вынуть оно на три сажени более, чем было изначально означено», — рассказывает координатор городской комиссии по основаниям, фундаментам и подземным сооружениям, генеральный директор института «Геореконструкция» Алексей Шашкин. — Со дня этого глубокого котлована забывали деревянные сваи. Так при строительстве собора возник весьма обширный подземный объем, по легенде, служивший в последнюю войну штабом Смольного».

Десять лет назад археологи обнаружили перед собором фундамент колокольной, задуманной Растрелли: с небывалой для тех времен высотой 140 м она должна была стать самым высоким храмом империи. Однако дальше служебных построек дело не пошло.

«Возможно, отмеченная слабость грунтов или же закаты елизаветинского правления послужили причиной, отчего так и не была закончена колокольня собора — этот дерзновенный небоскреб эпохи барокко, который по замыслу Елизаветы должен был превзойти высоту Ивана Великого вместе с Кремлевским холмом», — говорит господин Шашкин. — Колокольня была возведена до уровня существующих вспомогательных

корпусов, но сегодня от нее сохранились лишь фундаменты. Сохранился макет ансамбля с колокольной, сделанный в мастерской Растрелли. Он дает реставраторам всю полноту информации о памятнике. Конечно же, колокольня изменяет привычное восприятие ансамбля. Это какой-то невероятный порыв вверх».

Математических расчетов Растрелли не осталось, но они, по словам господина Улицкого, и не нужны: расчетов в нашем понимании зодчие прошлого не делали. Строительное искусство развивалось эмпирическим путем: то, что не соответствовало законам сопромата, тогда еще не открытым, до наших дней не дошло. Но сохранились «правильно построенные» сооружения, среди них — и рекордсмены по высоте Ульмский и Кельнский соборы с башнями высотой более 150 м. «Так что исторические аналоги существуют», — говорит профессор. — Правда, боюсь, что из-за слабости грунтов колокольню Смольного собора ждала бы участь кампанилы собора Сан-Марко в Венеции — без длинных железобетонных свай, опирающихся на надежные грунты, возведение сооружения высотой 140 м было делом весьма рискованным».

Алексей Шашкин считает, что к идее возведения колокольной можно вернуться: «Сегодня эта эпоха вызывает живой интерес. И не только в архитектуре, но и, например, в классической музыке. В искусстве всегда чередуются стремление к лаконичности с желанием излишеств. Мы устали от лапидарности, в архитектуре снова появился

интерес к деталям. Одновременно петербуржцев привлекают уникальные явления — например, «осуля» «Лахта-центра» (этот неологизм, приписываемый одному из губернаторов нашего города, вполне заслуживает того, чтобы стать его неформальным названием), дивный вантовый мост у нового стадиона, да и сама эта летающая тарелка с антеннами. В этом контексте почему бы не достроить самое высокое сооружение елизаветинского времени? Насколько это уместно — вопрос к специалистам в области градостроительства. Хотя не думаю, что кто-то осмелится спорить с тенью великого зодчего. Как специалист в области прочности, могу сказать, что технической проблемы достроить творение Растрелли сегодня не существует. Конечно же, его придется возводить на современных сваях, которые прозрят исторический бутовый фундамент. Но фундамент непременно должен быть сохранен как своеобразный мост из прошлого в наше время».

Тактичная незаметность нового

«Геореконструкция» имела отношение к воссозданию массы памятников архитектуры, в том числе таких непростых, как Каменноостровский театр, в котором одновременно меняли надземную и подземную части. Удалось сохранить более 70% подлинных деревянных конструкций. При этом все новое, что необходимо современной театральной технологии, театр получил благодаря устройству развитого подземного объема прямо под ним. Аналогичное развитие подземных объемов получают и исторические корпуса Новой Голландии. Главное в этом подходе — тактичная незаметность нового».

Реставрация стала возможной с помощью разработкой компанией FEM-models. «Это наш программный продукт, ни в чем не уступающий зарубежным аналогам, а кое в чем даже превосходящий возможности конкурентов», — говорит господин Шашкин. — Мы считаем себя продолжателями традиций отечественной школы численных расчетов, которая была в нашей стране на подъеме в 1990-х годах благодаря трудам профессора А. Б. Фадеева, А. К. Бугрова и других. Сегодня институт «Геореконструкция», к сожалению, — единственная в России организация, разрабатывающая конкурентоспособный софт в области совместных расчетов сооружений и оснований. Простая истина нашего времени состоит в том, что наука и строительная технология развиваются там, где разрабатываются расчетные программы. Если мы покупаем зарубежные программы — мы финансируем тем самым науку за рубежом».

Однако не каждый фундамент нуждается в изменении: «Геореконструкция» когда-то выступила против усиления фундаментов в Морском соборе Кронштадта, Бирже на стрелке Васильевского острова, соборах Старой Ладоги и Тихвина.

«Усиливая исторические здания необходимо только тогда, когда они в этом нуждаются», — считает господин Шашкин. — К сожалению, закон об охране памятников в случае, если затронуты проблемы прочности, бездумно отправляет нас к действующим строительным нормам. Но построенный столетия назад памятник заведомо не может соответствовать современным нормам, разработанным для нового строительства. Не следует приводить его в соответствие насильственно, нанося ущерб его подлинности. Можно пойти другим путем: выполнить ремонт его конструкций, ограничить количество посетителей и уровень так называемых полезных нагрузок. Сегодня мы обращаем внимание Минстроя и Минкульту на настоятельную необходимость разработки специальных норм для памятников. Ведь памятник — это сооружение, которое на протяжении веков своего существования претерпело всевозможные воздействия и самим фактом своего существования доказало, что с ними успешно справились. Поэтому занимаясь реставрацией памятника, надо прежде всего восстановить работоспособность его исторических конструкций, проводить детальный мониторинг его состояния и только при доказанной необходимости внедрять новые элементы усиления. Именно такой путь мы рекомендовали для Кронштадтского морского собора, для здания Биржи на стрелке Васильевского острова, для Преображенской церкви в Кяхтах, двадцатилетняя реставрация которой, наконец, завершена по нашему проекту».

«Объекты культурного наследия требуют постоянного внимания», — добавляет господин Улицкий. — Следует регулярно ухаживать за ними — своевременно лечить малейшие трещины и дефекты. Небходим общегородской инструментальный мониторинг за состоянием памятников и исторических зданий. Это не благожелание, это прямое требование федерального закона № 384. «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Благодаря мониторингу мы будем точно знать «состояние здоровья» каждого здания и своевременно планировать средства на оказание необходимой помощи. Поддерживать памятники и исторической застройки в хорошем состоянии — не только наша обязанность, это и весьма выгодное дело, привлекающее в город туристов».

Наталья Садовская

наследие

«Для решения вопросов градостроительства и архитектуры в таком городе, как Петербург, нужна твердая рука, но в белой перчатке»

К застройке центра Петербурга необходимо подходить мудро и деликатно, а при формировании концепции его развития — учитывать симбиоз различных подходов. Своими взглядами на современную архитектуру, а также мнением по поводу воссоздания колокольни Смольного собора и появления там нового культурного пространства с корреспондентом „Ъ“ Марией Кузнецовой поделился художественный руководитель Александринского театра **Валерий Фокин**.

— интервью —

— Как вы относитесь к появлению объектов современной архитектуры в районах с исторической застройкой?

— Я хорошо к этому отношусь, поскольку осознанно, что время движется, общество меняется — и вместе с ним и архитектура. Но с одной очень важной оговоркой, которая вечна и актуальна во все времена: появление таких объектов не должно испортить городской ансамбль. Ансамбль Петербурга — это горизонталь, а не вертикаль, в отличие от Москвы. В отдельных случаях, конечно, появление новых доминант можно приветствовать, но они ни в коем случае не должны помешать историческому облику. Они должны подчеркивать горизонталь.

— Какие из современных зданий, построенных в Петербурге, вам импонируют больше всего?

— На мой взгляд, очень хорошо вписалась новая сцена Александринского театра. Архитектурное решение, при котором современное здание расположено во дворе, считаю весьма удачным. Мне также импонирует «Лакта-центр», и я очень жду, когда он уже будет открыт. Здание расположено за пределами исторической части Петербурга на берегу Финского залива, оно доминирует, его видно издали. Конечно, все предыдущие варианты его размещения были неверны. А сейчас это новая точка притяжения, совершенно не испортившая существующие виды. А ведь сколько по поводу него было битв и споров! Но, безусловно, есть примеры современной архитектуры, не буду их называть, которые «кричат» и мешают пейзажу и ландшафту.

— Что вы думаете о сносе исторических зданий в центральной части Петербурга?

— Это очень тонкий момент. На мой взгляд, в центре города есть здания, с которыми не жалко расстаться, а есть те, с которыми расставаться категорически нельзя. Но я не являюсь в этом специалистом. Для решения вопросов градостроительства и архитектуры в таком городе, как Петербург, нужна твердая рука, но в белой перчатке. Здесь нужно опираться исключительно на

мнение профессионалов, живущих не мотами, а принципами.

— Говорят, что каждый исторический город выбирает свой путь: где-то строительство в центре полностью запрещено, где-то — почти абсолютная свобода. Какой путь, по вашему мнению, подходит Петербургу?

— Я выступаю за мудрую и деликатную застройку центра, когда современное здание возводится с оглядкой на окружение, в какой-то мере подчеркивая его. Категорически не приемлю аргументов инвесторов, которые говорят, что строить можно только лишь на основании того, что новый дом никому не помешает. Еще как помешает, если руководствоваться лишь собственными интересами. Таких примеров много, особенно в Москве. Также не очень удачным, на мой взгляд, является опыт Парижа, где во дворе Лувра была построена стеклянная пирамида. По моему мнению, это слишком наглое и радикальное решение. Но со временем даже к нему все привыкли, хотя поначалу оно вызвало множество споров. Тем не менее я считаю, что это не тот путь, по которому надо идти Петербургу. Мне кажется, что петербургский путь — это не слепое следование примерам каких-то отдельно взятых городов, а все же симбиоз, комбинация.

— То есть вы считаете, что этот путь пока еще не выбран и концепция не сформулирована?

— К сожалению, это так. Концепция пока не сформулирована, однако она тоже должна быть гибкой. Не может быть концепция на все времена. Далеко ходить не нужно: коронавирус сегодня скорректировал вообще все концепции, которые только могут быть. И на архитектуру, наверняка, он тоже каким-то образом повлияет. Потому что культура и общество не могут обойтись без корректировки тех процессов, которые произошли и происходят в мире. Если резюмировать, то концепция развития центра Петербурга должна быть направлена на комбинированное сочетание.

— Кто должен принимать участие в разработке концепции?

— Безусловно, ее подготовкой должны заниматься специалисты, после чего не-

обходимо вынести ее на обсуждение как с городскими властями, так и с активными горожанами. Но нужно быть мудрыми и готовыми к тому, что единого мнения по поводу нее не будет и быть не должно. И это совершенно нормально: народное мнение никогда не бывает одинаковым. Повторюсь: мнение архитекторов и градостроителей здесь должно быть во главе угла.

— Разделяете ли вы мысль, что центр города — для истории, для туристов, а для жизни — все остальное?

— Во-первых, от туристов мы, конечно, никуда не денемся, поскольку Петербург — город туристический. Он таким был, есть и должен быть, приносит благодаря этому доход. С другой стороны, в центре живет много людей, которые к нему привыкли и отсюда никуда не уедут. Я считаю, что в этом смысле нужно уделять внимание содержанию домов, а также решению проблем, связанных с расселением коммунальных квартир.

— Если говорить не о новых зданиях, а о восстановлении разрушенных или несостоявшихся. Вы считаете правильным завершить задумки авторов прошлого?

— Если речь идет о памятниках, заслуживающих серьезного внимания, например,

как колокольня Смольного собора Растрелли, то их надо восстанавливать. Да и не только колокольню — и другие шедевры архитектурной мысли. Они только украсят наш город.

— Чем лично вас привлекает проект воссоздания колокольни?

— Колокольня Смольного собора — это удачная вертикаль, которая подчеркнет горизонтальный пейзаж Петербурга. Уверен, что она будет смотреться красиво с разных сторон: как с набережной, так и со стороны Невы и с прилегающих улиц. Кроме того, я убежден, что здесь можно организовать очень интересное культурное пространство, которое оживит это место, и оно заиграет по-новому. Колокольня сможет сразу его как бы «отцементировать», предоставляя возможности для проведения разного рода акций. Там могут проходить открытые уличные фестивали и выступления: театральные, хоровые, музыкальные. Вообще, я считаю, что наш город — это культурное или, я бы даже сказал, театральное окно в Европу. А архитектура Петербурга — это своего рода театральная декорация. И чем больше таких театральных пространств будет в центре города — тем лучше и для его жителей, и для туристов.

— Как вы относитесь к аргументам активистов, считающих, что проект Растрелли состоялся в том виде, в котором он существует сейчас, и трогать ничего не нужно? Они также часто называют колокольню «очередным новоделом».

— Я это мнение не разделяю, но люди имеют право высказаться. К этому надо относиться спокойно. Кроме того, так называемые новоделы тоже бывают разные: и талантливые, и бездарные. Главным вопросом — как проект будет реализован на практике. Согласен, что есть примеры, когда на месте реконструированного здания возникает новодел, который заметен невооруженным взглядом. Но есть и качественные проекты — и их тоже много. Что касается того, что проект Растрелли состоялся до конца, так это неправда, поскольку он не был завершен. И этому есть документальные подтверждения. Но переубеждать градозащитников не нужно, поскольку у многих из них присутствует один и тот же мотив: «Мы должны защитить город во что бы то ни стало, и мы не отдадим ни пяди родной земли». И чем больше с ними дискутируешь, тем им больше нравится. Повторюсь: их мнение обязательно нужно выслушивать. Однако, к сожалению, от многих представителей градозащитного сообщества не стоит ожидать гибкости.

Мода на мини

— памятники памятникам —

Создание миниатюр архитектурных шедевров можно назвать самостоятельным направлением в искусстве. Во всем мире популярны парки с уменьшенными копиями зданий, в их числе и знаменитый «Петербург в миниатюре». Кроме этого, в ближайшее время в городе появится памятный знак первому петербургскому храму на Троицкой площади.

Миниатюрные модели получили распространение еще в древности, когда впервые потребовалось объемно-пространственное изображение проектируемого здания. В египетских гробницах в числе предметов культового назначения находили копии домов и храмов, рассказывает Елена Крылова, декан факультета дизайна и рекламы одного из российских вузов. Уменьшенная керамическая модель традиционного жилища древнего Крита была обнаружена на раскопках близ Кносского дворца. Среди археологических находок гомеровского периода есть весьма детально выполненные модели храмов. В Древней Греции макеты из воска или дерева служили для представления архитектурного проекта — об этом свидетельствуют изображения и письменные источники, найденные в монастырях. Миниатюры зданий, судов, карет и других объектов часто фигурируют в живописных шедеврах эпохи Возрождения. На портретах, иконах, фресках разных стран встречаются персонажи с макетами в руках — так символически отмечали видных исторических деятелей или святых покровителей городов.

Ближе к современности создание архитектурных моделей стало мыслиться как отдельный вид творчества, стоящий на стыке декоративно-прикладного искусства и архитек-

Мини-город в Александровском парке Петербурга был открыт в 2011 году. Там собраны бронзовые копии многих городских достопримечательностей в масштабе 1:33

туры. «Такой интерес сформировался в период классицизма и превратился в модное увлечение на рубеже XIX и XX веков. Это связано с новой эпохой в истории зодчества, когда задачу архитектора стали видеть в организации материально-пространственной среды. Изменилось и отношение к макету: он, подобно графике, стал рабочим методом, средством выражения архитектурной мысли, профессиональным языком», — говорит госпожа Крылова.

Парки шедевров

В начале 1920-х годов в Великобритании возник первый в мире парк архитектурных миниатюр — Беконскот. Копии образцовой английской деревни в масштабе 1:12 ради развлечения построил у себя возле дома Роланд Калинингам, бухгалтер-земледелец из деревни Биконсфилд. Через десять лет слава о необычном музее разлетелась по всей планете, и парк стали посещать туристы, остав-

лявшие щедрые пожертвования на его развитие. После Второй мировой войны подобные парки появились во многих странах мира. Стоят упоминания Маджордам в Гааге, World Park в Пекине, Мини-Израиль недалеко от Иерусалима, Миниатюрк в Стамбуле, «Карта Казахстана „Атамекен“» в Нур-Султане. Широко известен тематический парк «Мини-Европа», открывшийся в 1989 году в Брюсселе. Там на площади в 2,4 га собраны точные копии более 350 архитектурных и исторических памятников из 80 городов 27 европейских стран. Экспонаты выполнены в масштабе 1:25.

Наиболее известные российские парки — это Парк миниатюр архитектурных шедевров России в Калининграде и «Петербург в миниатюре» недалеко от станции метро «Горьковская». Мини-город в Александровском парке Петербурга был открыт в 2011 году. Там собраны бронзовые копии многих городских достопримечательностей в масштабе 1:33, в том числе ансамбля Дворцовой и Сенатской площадей, Петропавловской крепости, Казанского и Исаакиевского соборов. «Парки миниатюр вызывают

большой интерес у туристов и местных жителей, в том числе они заново пробуждают интерес к архитектурным прообразам. Однако, например, между нашими парками и иностранными есть большое отличие. В той же Голландии такие проекты сопровождаются развлекательной программой, а сами миниатюры созданы из материалов, которые требуют особого ухода и эксплуатации. Тогда как мини-город в Александровском парке создан из бронзы и потому долговечен», — говорит Сергей Трофимов, генеральный директор ООО «Архитектурная мастерская Трофимовых», разработавшего архитектурную часть мини-города в Александровском парке.

В целом создание скульптурных композиций позволяет реализовать сложные задачи, например, напоминает о невосполнимых утратах. Так, в городе Маастрихте (Нидерланды) на территории бывшего зоопарка установлен необычный памятник: девочка гладит жирафа, который был одним из последних обитателей этого места, а ров вокруг этой композиции заполнен скульптурами вымерших на земле животных, добавляет господин Трофимов.

Памятный знак в честь первого храма

Среди архитектурных макетов особняком стоят миниатюры утраченных шедевров. Они позволяют получить представление об оригинальном здании, если восстановить его на историческом месте или в исходном размере по тем или иным причинам не получается.

Так, например, в ближайшем будущем по инициативе Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов, установивших новые принципы зодчества и утвердивших другое понимание и видение мира. С тех пор все стало другим, а Троице-Петровский собор — это одна из первых построек Петербурга, первый храм нового европейского города России. Люди привыкли к новым формам, в том числе когда посещали этот собор, и таким образом Петр I постепенно приводил подданных к европейскому образу жизни», — заключает господин Шевченко.

основания города, монарх лично руководил ее строительством и в ней же принял титул императора. Храм много раз горел и перестраивался. В начале XX века царская семья вместо деревянной постройки собиралась возвести крупнейший собор Российской империи на 16 тыс. прихожан, однако этим планам не дано было сбыться.

«Сейчас восстановление церкви невозможно, поскольку ее фундамент частично расположен под проезжей частью. Однако петербуржцы должны знать, что это знаковое для нашего города место. Поэтому мы решили увековечить его, поставив акkuratный памятный знак. По рисункам того времени мы знаем, как церковь выглядела в первоначальном варианте, и памятник будет представлять собой ее образ — уменьшенную копию. Его выполнит великий российский скульптор Павел Шевченко. Высота памятника знака составит около трех метров, он будет расположен на гранитном постаменте. В наших планах реализовать проект осенью. Уверен, что он станет новой точкой притяжения и яркой городской достопримечательностью», — поясняет представитель Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге Филипп Грибанов.

«Самое важное, что отразит памятный знак, — это образ Петра I, который привез в Россию архитекторов, установивших новые принципы зодчества и утвердивших другое понимание и видение мира. С тех пор все стало другим, а Троице-Петровский собор — это одна из первых построек Петербурга, первый храм нового европейского города России. Люди привыкли к новым формам, в том числе когда посещали этот собор, и таким образом Петр I постепенно приводил подданных к европейскому образу жизни», — заключает господин Шевченко.

Ксения Потапова

Вернуть память месту

— доминанты —

Кроме того, мы воссоздаем облик утраченного максимально точно, а это требует не только огромного количества экспертиз, но и особого подхода к подбору материалов для строительства, подрядчиков. Поскольку этот храм был разрушен в 1975 году, осталось много фотографий тех лет и чертежи, что несколько облегчит нам работу. В этом смысле работа идет немного легче, чем над проектом воссоздания колокольни Смольного монастыря, которым мы сейчас занимаемся. Фотографии во времена Растрелли еще не существовало, но есть оригиналы чертежей и проектной документации», — рассказывает Филипп Грибанов.

Вместе с тем господин Грибанов с сожалением отмечает, что восстановить его на историческом месте невозможно: там частично проходит Синопская набережная. Тем не менее рядом на ближайшем месте располагается пустынная городская парковка, и к руководству города уже подано обращение с просьбой передать этот участок целевым назначением.

«Я уверен, что восстановленный храм оживит эту территорию, подарит Синопской набережной новый открыточный вид, не говоря уже о том, что вернет Петербургу уничтоженный памятник архитектуры», — говорит господин Грибанов.

По мнению историка и градозащитника Александра Кононова, заместителя председателя совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИИК, эта церковь относится к тем объектам, которые имеют важное не только историческое, но и градостроительное значение. «Убежден, что восстановление этой доминанты необходимо», — считает он.

Мария Кузнецова

наследие

«Колокольня Растрелли очаровывает петербуржцев»

Представитель Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге **Филипп Грибанов** в интервью корреспонденту „Ъ“ Марии Кузнецовой рассказал, почему колокольня Смольного собора необходима городу, как на нее реагирует общественность и почему строительная площадка может стать центром притяжения для туристов и горожан.

— экспертное мнение —

— В настоящее время при содействии фонда проводятся работы по восстановлению и реставрации сразу нескольких объектов культурного наследия. Расскажите, на каком этапе реализации они сейчас находятся?

— Работы в церкви Пресвятой Троицы в составе киновии Александрово-Невской лавры на Октябрьской набережной уже завершены, и в ближайшее время мы будем получать разрешение на ввод в эксплуатацию от КГИОП. В церкви Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» с грошиками на проспекте Обуховской Обороны проводится внешняя и внутренняя отделка, все работы выполняются в соответствии с планом. Там уже проложены инженерные сети, и в ближайшее время мы приступим к благоустройству территории. Продолжается работа по изготовлению памятного знака в честь первой петербургской церкви на Троицкой площади, установка которого запланирована на конец сентября.

— Какие перспективные проекты сейчас в стадии предварительной подготовки?

— Мы ждем внесения изменений в градостроительное законодательство, в частности, в Правила землепользования и застройки, чтобы начать реализацию проекта восстановления церкви Бориса и Глеба на Синопской набережной, которая была снесена в 1970-х годах. Она была выбрана неслучайно, поскольку продолжает ряд восстанавливаемых при содействии фонда объектов, расположенных на набережных Невы. Это сооружение — потрясающее по своей архитектуре, и когда-то оно являлось яркой доминантой на городском ландшафте. По этой причине КГИОП включил его в перечень объектов, рекомендованных к восстановлению.

Убежден, что данная церковь украсит панораму Петербурга. Что касается другого амбициозного объекта — колокольни Смольного собора Растрелли, — то сейчас ведется подготовка обоснования для представления проекта на Совете по сохранению культурного наследия при правительстве Петербурга.

— Как нынешний кризис скажется на реализации проектов, финансируемых за счет средств фонда?

— Могу отметить, что работы на всех наших объектах остановлены не были. Более того, сроки их сдачи мы также не переносили. Тем не менее нельзя сказать, что кризис не оказал никакого влияния на нашу сферу деятельности. Во-первых, практически все исполнительные органы государственной власти работали в условиях ограничений, введенных в соответствии с указом президента и постановлением правительства Санкт-Петербурга: часть их сотрудников была переведена на удаленный режим работы, что не могло не сказаться на коммуникации. Во-вторых, были закрыты все государственные архивы. В-третьих, реставраторы были обязаны соблюдать предписания Роспотребнадзора, в частности, пользоваться средствами индивидуальной защиты, соблюдать дистанцию.

— Вернемся к проекту воссоздания колокольни Смольного монастыря. Зимой вы представили его публике. Как вы оцениваете реакцию общественности на него?

— Безусловно, не обошлось без критических замечаний, которые я не разделяю, но в целом могу понять. Тем не менее аргументов в пользу реализации данного проекта более чем достаточно. Недавно в социальных сетях был проведен блин-опрос общественного мнения, который показал, что около 40% респондентов оказались полностью за этот проект, более 20% ответили «может

быть», еще 20% — «скорее нет, чем да», и только небольшая часть была против. На мой взгляд, это очень хороший результат. Мы видим, что чем больше люди узнают о воссоздании колокольни Смольного собора, тем положительнее отклик и ошутимее поддержка. Сначала проект вызывал удивление, поскольку не все могли поверить в то, что такое вообще возможно. Но со временем ситуация начала принципиально меняться: люди начали интересоваться историей проекта, узнавать детали, знакомиться с представленными эскизами. В итоге многие из них искренне хотят, чтобы проект состоялся, особенно молодежь.

— А за что в основном критикуют проект?

— «Зачем восстанавливать то, что никогда не было построено» — это самый распространенный тезис. Но это в корне неверный подход: колокольня была возведена до второго яруса, после чего строительство было заморожено. То есть она не построена, а недостроена. А это очень большая разница. В Европе, да и во всем мире, существует масса примеров, когда объекты возводились столетиями: их достраивали другие архитекторы, при иных правительствах и режимах. Пожалуй, самый известный случай — это собор Святого Семейства в Барселоне («Саграда Фамилия»). Если следовать логике противников воссоздания колокольни

Смольного собора, то получается, что после смерти Гауди строительство надо было тоже остановить. Но, к счастью, так не случилось, и теперь мы можем своими глазами наблюдать один из интереснейших аттракционов мирового масштаба в сфере архитектуры. Поэтому говорить о том, что не нужно завершать то, что не было сделано ранее, — это взгляд в прошлое, а мы смотрим в будущее.

Другой аргумент связан с неприятием любых изменений. Некоторых смущает, что в центре города в принципе может появиться высотное сооружение — но это вопрос привычки. Мы ведь говорим о красивом здании, которое органично впишется в существующую архитектуру и через несколько лет станет неотъемлемой частью городского ландшафта. Очевидно, что Смольный собор в его нынешнем виде — это пока недооцененная достопримечательность Петербурга, а после возведения колокольни он станет новым центром притяжения. Да и не только после: в наших планах — сделать и сам процесс строительства интересным для горожан и туристов.

— Что вы имеете в виду?

— Мы хотим, чтобы стройка сама по себе стала сильным магнитом. У нас очень много идей, раскрывать которые пока рано, поскольку хочется сохранить интригу. Но могу сказать одно: это будет очень интересно,

красиво и интерактивно. Все желающие смогут не только посмотреть, но и, условно говоря, потрогать камни, из которых будет состоять колокольня. Кроме того, существующие современные технологии позволят не только наблюдать за стройкой в режиме онлайн, но и создавать проекции того, как будет в итоге выглядеть готовое здание. Иными словами, мы хотим, чтобы все почувствовали сопричастность к реализации этой уникальной задумки.

— Как относятся к проекту городские власти?

— Если говорить официальным языком, то КГИОП, цитирую, «учитывая высокую общественную значимость проекта», предложил рассмотреть его на Совете по сохранению культурного наследия, к которому мы как раз сейчас готовимся.

— В чем заключается подтопка?

— Прежде всего это работа с архивными материалами и детальнейшее изучение макета Растрелли, представленного в Академии художеств, а также фасадов существующего здания. Кроме этого, нужно показать, как колокольня впишется в современный ансамбль. Представляя проект на совете мы будем с учетом максимальной подготовки. Тем более что в сроках КГИОП нас не ограничивает. Завершить подготовку мы планируем до конца текущего года.

— Ранее вы говорили, что планируете проводить открытые лекции для всех желающих, где будете рассказывать о творчестве Растрелли и, в частности, о Смольном соборе. Не отказались от этой идеи?

— Действительно, у нас запланированы открытые лекции и семинары, и как только появится возможность их проводить, мы сразу же запустим этот цикл. Так что нет, конечно, мы не отказались от этой идеи. Более того, мы считаем крайне важным проводить эти встречи именно очно, а не онлайн, поскольку в них должна быть магия присутствия. Думаю, за время самоизоляции мы оценили роскошь живого человеческого общения. Участники обсуждения должны иметь возможность задавать вопросы, вступать друг с другом в дискуссии, а не просто заглянуть ролик и посмотреть его как познавательную передачу. Нам очень важна эта обратная связь, а материалов у нас более чем достаточно. Также хочу сказать, что уровень спикеров будет очень высоким.

— Сейчас в стране непростой период в связи с пандемией коронавируса, последствия которой мы еще долго будем ощущать в разных сферах жизни. Не кажется ли вам, что заниматься архитектурными изысками не время?

— Если ждать подходящего времени, оно может никогда не наступить. Великие творения, которые известны во всем мире, строились во все времена — даже в самые неблагоприятные. Тот же Смольный собор возводился 87 лет: с 1748 по 1835 год, иногда строительство приостанавливалось, затем снова начиналось. Это нормальная практика, когда речь идет о гениальных произведениях искусства, почти все они — классические долгодострой. Да, мы понимаем, что период сейчас непростой. Но любой период можно назвать непростым и не заниматься ничем, что связано с искусством, культурой, архитектурой, сосредоточившись лишь, что называется, на хлебе насущном. Но ведь именно это мы называем цивилизацией, именно нашей культурой и архитектурой мы гордимся. Отказавшись от этого — от воссоздания памятников, новых ярких прорывных проектов, которые затем станут памятниками нашего времени, — мы рискуем быстро и безвозвратно деградировать.

Формирование русского стиля

— история вопроса —

Эпоха правления императора Александра III ознаменовалась для России поиском новых ценностей, что прослеживается не только в общественно-политической жизни того времени, но и в культурно-эстетическом плане. Обращение к национальным истокам в искусстве и архитектуре привело к формированию так называемого русского стиля.

Архитектура периода правления Александра III (1881–1894) отражала новое самосознание российской монархии, идеологию России второй половины XIX века. Ее постулаты были провозглашены Высочайшим манифестом от 29 апреля 1881 года, основной посыл которого заключался в смене парадигмы, в том числе эстетической — от ценностей европейского абсолютизма к поиску национального самосознания, к допетровскому периоду, поясняет Софья Батурина, старший преподаватель кафедры «Визуальные коммуникации» факультета дизайна и рекламы университета «Синергия».

В целом архитектура эпохи характеризуется термином «эklekтика». Это направление, доминировавшее в Европе и России в 1830–1890-е годы, которое иногда называют периодом неостилей. Мастера в работе обращались к приемам, характерным для разных эпох, вплоть до того, что использовали составляющие различных стилей в рамках одного здания. Среди исторических стилей, присущих эklekтике в России, были неоренессанс, необарокко, неоромантизм, неоготика, неовизантийский, индо-сарацинский, неомавританский и неорусский стили.

Новый русский

К концу XIX века в России возобладала тенденция к главным посылкам, что лишь крепкие национальные корни могут быть основой новой жизнеспособной архитектурной ветви. В результате в стране сформировалась совокупность архитектурных стилей, нередко объединяемых под названием «русский стиль» (или «псевдорусский стиль», «неорусский стиль»). Стоит отметить, что поиск творческого источника в

прошлом получил распространение и в других странах: Финляндии, Эстонии, в меньшей степени — в Германии, Англии, Австрии. «Поэтому можно утверждать, что причина становления русского стиля как ведущего в отечественной архитектуре конца XIX века лежит не в политическом, а в эстетическом и общекультурном русле», — отмечает госпожа Батурина.

Для русского стиля было характерно обращение к архитектуре допетровской эпохи. «Особенно были популярны цитаты из архитектуры периода царствования Алексея Михайловича — стили так называемого русского узорочья: фигурная каменная и кирпичная кладка, декор поливными изразцами, включение в композицию фасадов традиционных крылец с фигурными колонками, гириками и дыньками. Здания получают шатровые крыши и часто включают элементы декора, характерные ранее для культовой архитектуры, такие как луковичные арки, закомары и кокошники. Окна декорируются наличниками образца XVII века и декоративными панно, имитирующими традиционные подзоры», — рассказывает эксперт.

«Александр III всецело поддерживал развитие национальной идеи обретения самобытности. Русский стиль стал официальным стилем эпохи и использовался повсеместно в жилой и гражданской архитектуре», — добавляет Зоя Юркова, главный специалист ООО «Ленстройуправление».

След в архитектуре

Наиболее яркие образцы псевдорусского и неорусского стили сосредоточены в Москве, где требования к стилистическому единству были иными, нежели в Петербурге, отмечают эксперты. Среди представителей русского стиля эпохи Александра III выделяются такие архитекторы, как Константин Быковский (собор Владимирской иконы Божией Матери в Спасо-Бородинском женском монастыре, Бородинское поле, 1851–1859; Центральный банк, Москва, улица Неглинная, 1890–1894), Александр Каминский (дом С. М. Третьякова на Гоголевском бульваре, 1890; доходный дом Третьяковых на Кузнецком мосту, 1889;

Третьяковский проезд, Москва, 1891), Роман Клейн (Средние торговые ряды, 1889–1893; Музей изящных искусств).

«Говоря о Петербурге, отдельно стоит упомянуть Альфреда Парланда, которому принадлежит один из ключевых архитектурных проектов Александровской эпохи — храм Воскресения Христова „на крови“ (на месте убийства Александра II), 1883–1907. Проект, предложенный архитектором, включал прямые цитаты памятника архитектуры XVI века — церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в селе Дьяково. Русский стиль не был примитивным копированием форм прошлого, но являлся переосмыслением традиций на новом историческом этапе», — говорит госпожа Батурина.

Кроме того, как отмечает госпожа Юркова, в Северной столице к этому периоду относятся не сохранившийся до наших дней дом-сказка на углу Английского проспекта и улицы Декабристов (архитектор А. Бернардацци, 1909); усадьба А. И. Чернова «Сосновка» на Октябрьской набережной, возведенная по проекту архитектора Александра фон Гогена; комплекс казарм 3-го стрелкового ЕИВ полка в виде крепости в местечке Софийского города Пушкина, построенный по проекту Владимира Покровского (носит неофициальное название «Покровский городок») и расположенная поблизости полковая церковь святого мученика Иулиана Тарсийского лейб-гвардии кирасирского полка.

Использование русского стиля продолжилось и после кончины Александра III. Его элементы органично слились со стилистикой модерна, в результате чего возникли новые формы.

Памятник императору

К наследию эпохи Александра III можно отнести и знаменитый конный памятник императору работы скульптора Паоло Трубецкого, который был открыт на Знаменской площади (ныне площадь Восстания) 28 мая 1909 года. Среди петербуржцев тех времен, настроенных критически по отношению к власти, он вызвал неоднозначную реакцию.

Как отмечает госпожа Юркова, в 1937 году монумент демонтировали и перене-

сли в один из внутренних дворовиков Русского музея. В 1985 году на площади Восстания был установлен обелиск «Городу-герою Ленинграду», который первоначально планировался для площади Мужества.

Сейчас памятник Александру III находится в парадном дворе Мраморного дворца. В последние годы нередко высказывались предложения вернуть его на историческое место. С новой инициативой в конце 2019 года выступил Фонд содействия воссозданию объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге. Как отмечает представитель фонда Филипп Грибанов, это позволит восстановить архитектурный облик площади и впишется в окружающую застройку. Памятник станет той самой яркой доминантой, которой сейчас так не хватает этой территории и, несомненно, украсит ее.

«Вообще, вопрос о переносе памятника обсуждается не первый год, и мы видим, что у этой идеи множество сторонников. Многие говорят, что личность Александра III недооценивается и преподносится однобоко, а ведь все сделанное им в годы правления заслуживает особого внимания. При нем укрепились границы России, активно развивались промышленность, сельское хозяйство и многое другое. Современники считали его кристально честным и очень порядочным человеком, болеющим за страну и людей. Именно Александр III основал Транссибирскую магистраль, соединившую европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Кстати, посвящение на памятнике гласит: „Императору Александру III, державному основателю Великого Сибирского пути“. И он достоин того, чтобы вернуться на историческое место», — говорит господин Грибанов.

Госпожа Юркова поясняет, что с архитектурной и градостроительной точки зрения площадь Восстания — шарнир, соединяющий два проспекта: Невский и Старо-Невский. В начале Невского стоит Адмиралтейство, в конце Старо-Невского — Александровская лавра. «Эти два сооружения нужно соединить, а не разъединять, как это сделано сейчас. Высокий обелиск режет Невский проспект на две независимые улицы. Поэтому здесь должно быть

К наследию эпохи Александра III можно отнести и знаменитый конный памятник императору работы скульптора Паоло Трубецкого, который был открыт на Знаменской площади (ныне площадь Восстания) 28 мая 1909 года

что-то довольно низкое. Памятник как раз и выполнял эту роль. Правда, сейчас следовало бы несколько увеличить размеры постамента, для того чтобы памятник „держал“ современную площадь, перегруженную транспортом», — добавляет эксперт.

«Перенос памятника Александру III на историческое место возможен, но это проблема не сегодняшнего дня, поскольку площадь Восстания требуется в первую очередь решение транспортных проблем», — полагает Вячеслав Ухов, генеральный директор ООО «АПМ Ухова В.О.», вице-президент Союза архитекторов Санкт-Петербурга, профессор ИЖСА им. Репина.

«Творение Трубецкого отражает суть Александровской эпохи, и нет никаких оснований прятать его место там, где он был изначально поставлен, — на вокзальной площади. История монументов такого масштаба — это история страны. Не нужно вырывать из нее звенья», — считает Яков Гордин, историк, главный редактор журнала «Звезда».

Ксения Потапова